

К.Р.Буйнова

«Доктор Живаго» в амазонских джунглях

Автор статьи предпринимает попытку проверить подлинность сюжета, изложенного Евгением Александровичем Евтушенко в поэме «Дора Франко». Речь идет об экземпляре книги Бориса Пастернака «Доктор Живаго», который Евтушенко обнаружил в городке Летисия в амазонской части Колумбии в 1968 г. В книге была дарственная надпись советского писателя Сергея Сергеевича Смирнова. Этот факт примечателен не только тем, что «Доктор Живаго» был запрещен в СССР, но и тем, что в 1958 г. именно С.Смирнов был председателем на заседании, в ходе которого Пастернак был исключен из Союза писателей. Архивные поиски, анализ свидетельств современников и взаимодействие с коллегой из департамента Амасонас позволили выяснить, что С.Смирнов действительно посетил Летисию за несколько месяцев до Е.Евтушенко, выступал с лекциями в тех же местах и общался с теми же людьми. В ходе исследования было установлено, что до 1980-х годов в Летисии могла быть только одна библиотека — при доме культуры, который и Смирнов, и Евтушенко упоминают в отчетах о командировках. Оба косвенно подтверждают, что произведений русских писателей в ней не было. Выяснить, был ли экземпляр «Доктора Живаго» единственным исключением, т.е. уже лежал на книжной полке, или его привезли С.Смирнов и переводчица Нина Булгакова, нам не удалось. Поскольку сама книга так и не найдена, мы не можем однозначно утверждать, что дарственная надпись раскаявшегося Смирнова в книге Пастернака — не плод художественного вымысла Евтушенко. Однако проведенное исследование дает основания полагать, что этот сюжет действительно имел место.

Ключевые слова: дело Пастернака, «Доктор Живаго», С.С.Смирнов, Е.А.Евтушенко, Колумбия.

DOI: 10.31857/S0044748X0022868-3

Статья поступила в редакцию 17.04.2022.

Кристина Романовна Буйнова — кандидат исторических наук, доцент кафедры испанского языка МГИМО МИД России (РФ, 119454 Москва, пр-т Вернадского, 76, <https://orcid.org/0000-0002-6983-5212>, k.r.bujnova@inno.mgimo.ru).

Благодарности: статья подготовлена в исследовательской резиденции Дома творчества Переделкино.

Иные исследования рождаются из попытки доказать, что какой-то незначительный сюжет имел или не имел места. Важно ли знать, оставил ли 55 лет назад один советский писатель книжку другого советского писателя в небольшой библиотечке дома культуры на Амазонке? Пожалуй, нет. А если за первым закрепилась одиозная репутация обвинителя второго? Если та точка, в которой пересеклись их имена, изменила жизнь обоих и на долгие годы стала важнейшим прецедентом советской литературно-политической жизни? Тогда картина меняется.

Целью данной статьи станет попытка проверить, мог ли один советский писатель, С.С.Смирнов, подписать книгу другого советского писателя, Бориса Леонидовича Пастернака, и оставить ее там, где ее никто не найдет? Для поиска ответа на этот вопрос пришлось обратиться к широкому кругу источников — от архивных материалов до художественной литературы. Вернее, наоборот: ведь первой зацепкой была поэма Е.А.Евтушенко «Дора», а проверить подлинность ее сюжета предстояло по опубликованным свидетельствам современников, массиву коллективных писем и архивным материалам, находящимся в личном фонде С.С.Смирнова, фондах Союза писателей и Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ). В число последних вошли делопроизводственные документы Иностранной комиссии Союза писателей, а также отчеты о командировках, написанные Е.А.Евтушенко и С.С.Смирновым, соответственно. Подобные бумаги должны были писать все командированные Союзом писателей. Отчеты всегда пестрели именами (поиск потенциальных попутчиков!) и описанием встреч и интервью (на которых советские писатели непременно «убеждали» и «доказывали»), но назвать их исчерпывающими нельзя, поскольку туда, конечно, не попадало то, что начальству было знать не нужно. Яркий пример: романтическая история, начавшаяся для Евгения Евтушенко в Колумбии в начале 1968 г. и длившаяся чуть ли не всю его долгую жизнь, в отчете была подменена на удивление бессобытийной летописью. Обнаружив в РГАЛИ этот отчет, я решила проверить, неужели прекрасная Колумбия показалась поэту не заслуживающей интереса. Именно так я наткнулась на сюжет о затерянной на Амазонке книжке.

Итак, идя по петляющему следу, который Евтушенко оставил за собой в командировке по Латинской Америке в конце 1967 — начале 1968 гг., я прочитала его позднюю поэму «Дора» (2011 г.) [1]. В ней Евгений Александрович рассказывает о своем романе с колумбийской моделью и фотографом Дорой Франко.

Помимо прочего Евтушенко описывает поездку в Летисию — небольшое колумбийское поселение на границе с Бразилией и Перу. Иностранцы обычно ездили туда, чтобы своими глазами увидеть амазонские джунгли, но советский поэт еще и выступил со стихами в местном доме культуры «перед рыбаками, охотниками на крокодилов, ловцами анаконд, монахами и пограничниками». Почти все его слушатели были людьми неграмотными, но «с сердцами, доверчиво открытыми поэзии и миру» [2, л. 26]. При этом доме культуры была библиотека. Библиотекарь с говорящим именем Верхилио (если не считать это поэтической выдумкой) сказал, что Евтушенко — не первый русский в Летисии и что здесь уже побывал С.С.Смирнов. Его книг в библиотеке не было, *«но как внимания знаки / он*

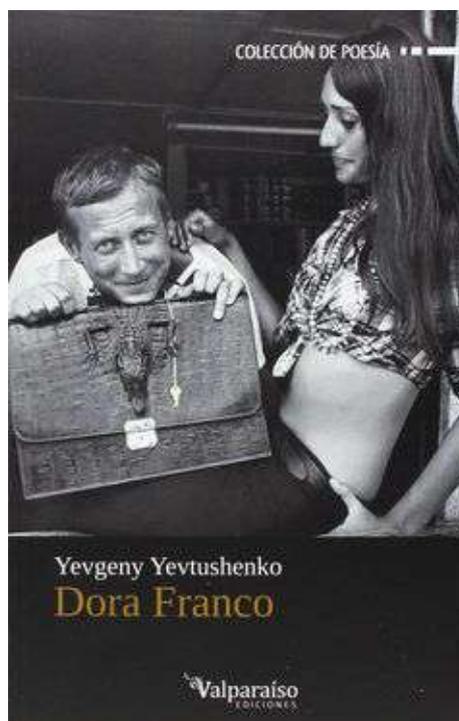
оставил нам несколько слов не на книжке своей, а на Пастернаке» [1]. Раскрыв драгоценный — и запрещенный в СССР — том «Доктора Живаго», потрясенный Евтушенко действительно нашел там дарственную надпись, что-то вроде: «От имени советских писателей столицы я / рад, что вижу здесь книгу нашего классика. Вива, Летисия!» [1]. Библиотекаря пришлось объяснить: Смирнов «стал председателем собрания, где Пастернака тогда исключали» [1].

Конечно, Евгения Александровича можно было бы заподозрить в художественном вымысле. Однако прежде, чем этот драматический сюжет был описан в поэме, с его слов этот эпизод пересказала Ольга Ивинская. Ее воспоминания были опубликованы в 1992 г. Ивинская утверждает, что библиотекарь, заметив волнение поэта, хотел даже вырвать для него автограф Смирнова, но потом решил, что без него книга теряет букинистическую ценность [3, с. 306]¹.

В поэме Евтушенко попытка вырвать страницу пропадает, но есть такие строки: «И ответил Вергилий подавленно и сокровенно: “Я как библиофил понимаю, что книга с / автографом этим — бесценна”» [1].

Обсуждал ли Евтушенко эту историю со Смирновым по приезде? К сожалению, мне не удалось найти свидетельств этого разговора. Подтвердить эту историю можно лишь найдя книгу. Понятно, что дело это обречено уже хотя бы потому, что едва ли в импровизированной библиотеке в тропическом климате книгу можно сохранить на протяжении 50 лет. Мои единственные источники — это пересказ третьим лицом, сделанный через 24 года после событий, и стихотворная версия этого рассказа, опубликованная еще через 20 лет. Трезво оценивая шансы, я все же стала искать контакты в колумбийской Летисии, одновременно восстанавливая череду событий. Необходимо было ответить на несколько вопросов. Как «Доктор Живаго» попал в Летисию? Что это за издание? Когда и при каких обстоятельствах Смирнов приезжал в Летисию? Почему он оставил дарственную надпись именно на этой книге? Даром что библиотекаря звали Вергилий, он не знал «подробностей нашего ада». Российский читатель понимает, о каком аде идет речь. И все же я изложу необходимые для понимания контекста подробности.

¹ Стоит уточнить, что в изложении О.Ивинской неправильно указан год командировки Евтушенко: 1970 г. вместо начала 1968 г.

Е.Евтушенко и Дора Франко на обложке поэмы «Дора Франко». Изд-во Valparaíso Ediciones, 2015

Для современника шок от находки экземпляра «Доктора Живаго» с дарственной надписью Смирнова объясняется одиозной ролью, которую тот сыграл в деле Пастернака. Отечественная наука еще ждет исследователя, который сможет собрать под одной обложкой темные и светлые страницы биографии Сергея Сергеевича. Трагические эпизоды его жизни идут вразрез с подчеркиваемой современниками порядочностью писателя [3, с. 297; 4, с. 117], но во многом биография Смирнова это — биография человека той эпохи. Как писатель С.С.Смирнов (1915—1976 гг.) известен главным образом как автор «Брестской крепости» (1957 г.) и других книг о войне. В послевоенные годы он помогал вернувшимся из плена советским солдатам не попасть в тюрьму, кому-то — выйти из нее и реабилитироваться. В то время, когда А.Т.Твардовский возглавлял редакцию «Нового мира» (1950—1954 гг.), Сергей Сергеевич был его заместителем и правой рукой. Когда Пастернак передал свою рукопись в «Новый мир», ни Твардовский, ни Смирнов там уже не работали². Смирнов же председательствовал на Общественном собрании писателей 31 октября 1958 г. по делу Бориса Пастернака и его романа. Во вступительной речи председатель укорял редколлегию «Нового мира» в недостаточной жесткости в отношении «предателя» и даже предлагал лишить того гражданства. Эти слова остались угрозой — эпоха лишения неугодных гражданства СССР еще не настала³, — но из Союз писателей Пастернака исключили.

Возможно, потомкам легко осуждать малодушие участников тех событий. Всего за два с половиной года до заседания московских писателей был разоблачен культ личности Сталина, и казалось, что в стране начинается новая жизнь. Однако в переменах была неприятная двусмысленность: «культ» был разоблачен в секретном докладе (хотя о его содержании стало немедленно известно всей стране), либерализация проводилась на страх и риск ее адептов, а сталинисты никуда не делись. Один из них — вдохновитель травли Пастернака, заведующий отделом культуры ЦК КПСС Д.А.Поликарпов — присутствовал на том «зловещем» заседании и бдительно следил за его участниками. Некоторые из них позднее признавались, что они испугались наступления нового «тридцать седьмого года», а они-то знали, «что это такое» [7].

Воспоминания современников содержат свидетельства о том, что Сергей Сергеевич всю жизнь жалел о доставшейся ему роли [3, с. 305] и, вероятно, о том, как он ее исполнил. Последующие вехи его литературно-политического пути весьма неоднозначны: недолго (1959—1960 гг.) был главным редактором «Литературной газеты»; в 1964 г. получил Ленинскую премию за «Брестскую крепость» и за огромную работу по сохранению имен героев войны; в 1966 г. подписал письмо против реабилитации

² Письмо с отказом печатать роман в журнале, отправленное редколлегией поэту в сентябре 1956 г., подписано Б.Агаповым, Б.Лаврениным, К.Фединым, К.Симоновым, А.Кривицким. Письмо не предназначалось для печати, однако именно оно положило начало официальной травле Пастернака, после того как было опубликовано в «Литературной газете» от 25 октября 1958 г. по распоряжению Сулова [5].

³ Впрочем, существует версия о том, что от лишения гражданства Бориса Пастернака спасло личное вмешательство Джавахарлала Неру, который позвонил Хрущеву и заступился за поэта [6].

С.Смирнов (в центре) и Н.Булгакова (справа) в Колумбии, 1967 г. РГАЛИ, ф. 2528, оп. 8, ед. хр. 258

И.Сталина⁴, а в 1973 г., вместе с другими именитыми современниками, — письмо против Александра Солженицына и Андрея Сахарова⁵, тогда же выступал за исключение Булата Окуджавы из Союза писателей из-за его публикации за границей.

Если мы посмотрим на деятельность Смирнова вне актов гражданской ответственности, то увидим, что он активно общался с иностранными писателями, приезжавшими в СССР, и ездил в заграничные командировки, чем могли похвастаться немногие члены Союза писателей: иностранных языков советские литераторы обычно не знали, но при этом Союз писателей настаивал на том, чтобы его члены принимали участие в беседах с иностранцами. Благодаря этому общению планировалось произвести на гостей приятное впечатление и показать, что советский режим создает благоприятную атмосферу для творчества.

«В качестве хороших примеров можно было бы привести таких писателей, как Чаковский, Евтушенко, Смирнов, Вознесенский, Антонов и дру-

⁴ Письмо тринадцати деятелей советской науки, литературы и искусства в президиум ЦК КПСС против реабилитации И.В. Сталина (25.03.1966). Письмо подписали: С.С.Смирнов, И.Г.Эренбург, В.Д.Дудинцев, И.В.Ильинский, Г.Н.Чухрай, В.И.Мурадели, А.Н.Колмогоров, А.И.Алиханов, И.Л.Кнунянц, Б.Л.Астауров, П.Ф.Здродовский, В.М.Жданов, П.М. Никифоров.

⁵ Письмо в редакцию газеты «Правда». *Правда*. М., 31.08.1973. Письмо подписали: Ч.Айтматов, Ю.Бондарев, В.Быков, Р.Гамзатов, О.Гончар, Н.Грибачев, С.Залыгин, В.Катаев, А. Кешоков, В. Кожевников, М. Луконин, Г. Марков, И. Мележ, С. Михалков, С.Наровчатов, В.Озеров, Б.Полевой, А.Салынский, С.Сартаков, К.Симонов, С.С.Смирнов, А.Софронов, М.Стельмах, А.Сурков, Н.Тихонов, М.Турсун-заде, К.Федин, Н.Федоренко, А.Чаковский, М.Шолохов, С.Щипачев.

Афиша фильма «Доктор Живаго»

Иностранной комиссии по литературе стран Латинской Америки. Во время писательских съездов в Москве он обычно был «приписан» к гостям из этого региона [10, л. 23]. В 1961 г. Смирнов побывал с делегацией на Кубе, в 1966 г. — с М.Дудиным и Н.Булгаковой (в качестве переводчика) в Чили, в 1967 г. — с Булгаковой в Колумбии, в 1969 г. — с ней же и Р.Рождественским в Уругвае, Перу, Эквадоре и Коста-Рике, в 1973 г. участвовал в плаваниях на теплоходе «Иван Франко» по странам Центральной и Южной Америки.

Обратимся к командировке в Колумбию. В РГАЛИ среди документов Иностранной комиссии мне удалось найти соответствующий отчет Булгаковой и Смирнова, направленный в секретариат Союза писателей [11], а также — в фонде Смирнова — несколько папок с фотографиями, картами, буклетами и вырезками из колумбийских газет [12, 13, 14, 15].

Смирнов в качестве главы делегации и Булгакова в качестве переводчика были командированы в Колумбию на 25 дней в сентябре — октябре 1967 г. Советские гости выступали с лекциями по русской и советской литературе в Боготе, Летисии, Санта-Марте, Картахене, Барранкилье, Кали. В общении со слушателями чаще всего им приходилось отвечать на вопросы об отношениях между писателями и государством и о свободе творчества в СССР, о деле Синявского и Даниэля, о романе Пастернака «Доктор Жива-

го», которые успешно овладели иностранными языками, что существенно облегчает им близкие контакты с зарубежными писателями и проводить успешную пропагандистскую работу» [8, л. 4]⁶.

«Среди наиболее активных в этой сфере общественно-политической деятельности [вносящих вклад в «дело сближения литератур»] московских писателей можно назвать прозаиков Льва Никулина, Корнея Чуковского, Павла Нилина, Сергея Смирнова, Павла Лукницкого, Александра Чаковского, Льва Кассиля; поэтов С.Маршака, В.Инбер, А.Барто, С.Кирсанова, П.Антокольского, С.Михалкова; драматурга А.Штейна, А.Арбузова и др.» [9, л. 12-13].

Немного знавший испанский язык Смирнов предпочитал общение с латиноамериканскими гостями. Судя по всему, писатель был дружен с Н.Булгаковой — консультантом

⁶ РГАЛИ. Ф. 631, оп. 26, ед. хр. 109. Справка о связях Иностранной комиссии с зарубежными писателями за 1951—1962 гг., л. 4.

Интервью С.Смирнова и Н.Булгаковой...

го» и о письме Андрея Вознесенского в «Правду»⁷. В отчете командированные сообщают: «Делегация терпеливо и подробно разъясняла существо дела Синявского и Даниэля и разоблачала спекуляции реакционной печати вокруг этого “дела”. В том же плане мы разъясняли сущность претензий к роману “Доктор Живаго” Б.Пастернака...» [11, л. 5].

В середине 1960-х имя Пастернака вновь появилось даже в далекой латиноамериканской прессе по нескольким причинам. В октябре 1965 г. Нобелевскую премию по литературе получил Михаил Шолохов, напомнив миру о предыдущем советском лауреате. В 1958 г. Шолохов выступал с резкой критикой Шведской академии, обвиняя ее в политической ангажированности в связи с премией за «Доктора Живаго», и когда настал черед самого Шолохова, ему это припомнили. В глазах западной общественности коммунист Шолохов был антагонистом «внутреннего эмигранта» Пастернака. Немногим позже, в феврале 1966 г., был вынесен приговор Синявскому и Даниэлю. Их дело так «рифмовалось» с давно отгремевшим делом Пастернака, что произвело на международное литературное сообщество эффект разорвавшейся бомбы. Скандал сопровождался ошеломляющим успехом фильма «Доктор Живаго» (реж. Дэвид Лин) с Омаром Шарифом в главной роли: премьера состоялась в США в декабре 1965 г., и еще в течение года картина била кассовые рекорды в западных странах [17]. За гра-

⁷ В 1967 г. Андрея Вознесенского не пустили в командировку в США, причем Союз писателей ответил на приглашение от имени поэта, написав, что он болен. Возмущенный Вознесенский отправил письмо на имя главного редактора газеты «Правда», в котором вопрошал, зачем компрометировать советских поэтов такими отказами и «до каких пор мы будем обливаться помоями». Письмо не было опубликовано, но Секретариат Союза писателей осудил поведение Вознесенского. Естественно, о содержании письма стало немедленно известно и внутри Союза писателей, и за пределами СССР. См. [16, с. 267–269].

...колумбийским газетам. РГАЛИ, ф. 2528, оп. 2, ед. хр. 452

свинью» чилийские телевизионщики: чуть ли не в прямом эфире они устроили ему «нечто вроде литературного суда» [2, л. 12].

Колумбийцы, кажется, обошлись с членами делегации мягче. В фонде Смирнова сохранились вырезки с интервью, которые они с Булгаковой дали столичным газетам *Siglo* и *El Tiempo*. В них гостей спрашивали о деле Пастернака: «По поводу запрета к печати “Доктора Живаго” [Смирнов] сказал, что этот роман стоило опубликовать в СССР, “и я надеюсь, что это произойдет”. Он отметил, что в России Борис Пастернак считался хорошим поэтом и что он сделал важный вклад в русскую поэзию. Напротив, его прозу [Смирнов] называет посредственной. “Дело Пастернака вызвало возмущение в СССР, потому что Нобелевская премия была ему присуждена, чтобы поощрить описание неприятных аспектов жизни нашей родины в “Докторе Живаго”. Они обратили внимание не на художественную ценность произведения, а на чисто политическую» [19, л. 1]. «Борис Пастернак, — продолжает Смирнов, — был великим поэтом, чье творчество имело огромное влияние в Советском Союзе. Однако, и это мое личное мнение, его роман “Доктор Живаго” кажется мне всего лишь посредственным с художественной точки зрения. Пастернак, с другой стороны, стал объектом чрезмерной шумихи в западной прессе из-за его «дела». Нобелевская премия была ему присуждена скорее по политическим соображениям, чем по литературным. Однако я думаю, что очень скоро “Доктор Живаго” будет опубликован в Советском Союзе» [19, л. 2].

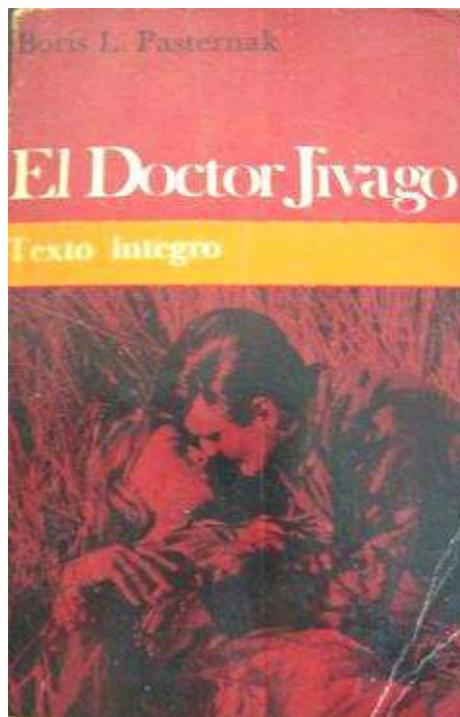
⁸ Об этом свидетельствуют отчеты советских писателей о зарубежных командировках 1966—1967 гг., хранящиеся в РГАЛИ и РГАНИ. Международное сообщество отреагировало на «дело» так остро, что Союзу писателей пришлось даже перенести IV съезд писателей с конца 1966 г. на май 1967 г. Впрочем, и полгода спустя бойкот все же состоялся [18].

ницей тема свободы творческой личности в СССР стала не просто актуальной: в широких и не слишком осведомленных кругах она стала модной.

Все советские писатели, выезжавшие за границу в 1966—1967 г., почувствовали на себе бремя коллективной ответственности⁸, но Смирнову, когда-то возглавлявшему «суд» над Пастернаком, должно было достаться больше всех. Тот же Евтушенко упоминает, что во время поездки в Чили Сергею Сергеевичу «подложили

Эти интервью отличаются между собой лишь эмоциональностью оценок Пастернака как поэта. Остальное можно свести к нескольким тезисам: проза Пастернака, в отличие от его поэзии, посредственна; «Доктора Живаго» в СССР скоро опубликуют; за решением Шведской академии в 1958 г. стояли политические соображения. Фотографии интервьюируемых, опубликованные в двух из трех газет, позволяют отбросить предположение о том, что корреспонденты разных изданий записывали одну и ту же речь. У любой советской делегации были «дежурные» ответы на частые вопросы, заранее согласованные с начальством и нацеленные на то, чтобы сохранить лицо. Что думал Смирнов о Пастернаке на самом деле, на основании этого материала сказать невозможно.

С 29 сентября по 3 октября 1967 г. Смирнов и Булгакова с двумя колумбийскими писателями-коммунистами Хорхе Саламеа и Хоакином Молано Кампусано находились в Летисии, столице департамента Амасонас. Население всего муниципалитета в то время составляло порядка 13 тыс. человек [20, с. 3]⁹. Обнаружив в доме культуры, где писатели выступали с лекциями, библиотеку, Смирнов и Булгакова внесли в отчет предложение отправить туда сочинения советских писателей на испанском языке [11, л. 34]. Эта инициатива также распространялась на Картахену. В других городах, видимо, книги советских писателей уже были. В колумбийских источниках мы находим след рассказанной Евтушенко истории с еще одной интересной подробностью: мол, в доме культуры в Летисии кроме «Доктора Живаго» русской литературы не было, были еще книги Толстого, но они так всем нравились, что их быстро растащили¹⁰. Таким образом, и члены делегации, посетившие Летисию осенью 1967 г., и Евтушенко дают понять, что произведений русских писателей в библиотеке этого городка не было. Кроме «Доктора Живаго».

Обложка 20-го переиздания «Доктора Живаго» издательства *Noguer* (1996 г.) на испанском языке

⁹ Этот оттиск с дарственной надписью автора Нине Булгаковой мы находим также в фонде С.С. Смирнова [12, л. 3–28а].

¹⁰ К сожалению, в колумбийской статье, в которой по-новому пересказывается этот сюжет [21], не назван первоисточник, при этом упоминание о «растащенных» романах Толстого выглядит так органично, что вряд ли это можно считать выдумкой журналистов. Статья посвящена участию Евгения Александровича в Международном фестивале поэзии в Медельине (Колумбия) в 2010 г., так что, скорее всего, уточнение про Толстого принадлежит ему.

С.Смирнов (второй слева) с анакондой. Крайний слева — Майк Саликис. РГАЛИ, ф.2528, оп. 8. ед. хр. 260, л. 10

«нашего классика». С другой стороны, логично предположить, что дарственную надпись в книге оставляет тот, кто эту книгу подарил. Не знаем мы и того, на каком языке был издан загадочный экземпляр, но, вероятнее всего, на испанском. Если книгу привезли командированные, то она могла быть либо на испанском, купленная в Колумбии, либо на французском, потому что по пути делегация делала четырехдневную остановку в Париже. Если книга уже была в библиотеке, то, вероятнее всего, она была на испанском, иначе библиотекаря не было бы смысла принимать ее в книжную коллекцию городка, где большинство жителей не умели читать даже на официальном языке страны. Это могло быть одно из последних изданий романа, вышедшее уже после упомянутой экранизации¹¹. Версию с испанским, к слову, поддерживает Ольга Ивинская [3, с. 306].

Здесь мои поиски зашли в тупик. Не оправдали себя надежды на воспоминания колумбийских спутников обеих советских делегаций, побывавших в колумбийской Амазонии. Гонсало Аранго, сопровождавший Евтушенко, в своих мемуарах пишет лишь о том, что поэт «влюбился в Летицию» и что он любил мелодию¹² из фильма «Доктор Живаго» [22, с. 77, 79, 84].

Мне пора было сменить тактику. «Выход в поле» осложнился расстоянием и пандемией, поэтому я воспользовалась своими научными контактами и вышла на этнолога и преподавателя Папского Боливарианского университета (*Universidad Pontificia Bolivariana*) Гидо Ревело Кальдерона. Наше сотрудничество началось многообещающе: Гидо удалось узнать на фотографии 50-летней давности Майка Саликиса, владельца зоопарка Летисии, чье имя было известно всем в округе¹³. Саликис развлекал туристов

¹¹ Испанский правообладатель на публикацию романа — издательство *Noguer* — выпустило 14 изданий «Доктора Живаго» с 1958 по 1959 г. 15-е издание вышло в 1963 г., 16-е — в 1965 г., а после премьеры фильма в декабре 1965 г. в течение года вышло еще пять переизданий. На обложку этих экземпляров издательство даже поместило сцену из фильма.

¹² Скорее всего, речь идет о «теме Лары»; эта мелодия быстро стала очень популярна и десятилетиями звучала отовсюду [17]. Один из «Оскаров» «Доктора Живаго» был присужден композитору Морису Жарру за музыку к фильму.

¹³ Позднее имя Майка стало известно за пределами Летисии из-за громкого дела о наркотиках. См. [23].

Мы не знаем, кто положил начало коллекции книг советских писателей, принеся в библиотеку дома культуры в Летисии роман Пастернака. С одной стороны, интересующая нас дарственная надпись — если только полагаться на память и точность Евтушенко — отражает восхищение тем, что в библиотеке уже была книга

«объятьями» живых анаконд. Кадры Евтушенко с гигантской змеей известны давно; фотографию Смирнова и Булгаковой с анакондой (возможно, той же самой) я нашла в фонде писателя в РГАЛИ.

С помощью друзей в Летисии и студентов-этнологов — представителей коренного населения Гидо смог выяснить, что библиотеки как таковой в Летисии не было до 1980-х годов, но какие-то

Е.Евтушенко с анакондой. Справа — Майк Саликис

книги действительно могли находиться при существующем до сих пор доме культуры. Поиск библиотекаря с мифическим именем осложнялся тем, что в этих местах люди обычно знают друг друга по прозвищу. Евтушенко упоминает, что «Вергилий» был «чуть горбат». В Летисии действительно нашелся 73-летний горбун по прозвищу Дадука, но нам не удалось установить, работал ли он, будучи 18-летним юношей, в библиотеке дома культуры. На этом наши с Гидо возможности были исчерпаны.

В конце концов приходится смириться с невозможностью найти букинистическую жемчужину из Летисии, но чем было бы историческое исследование, если бы не надо было предпринимать почти безнадежные поиски? Может быть, если книга не пропала, она обнаружится случайно. А нам остается лишь гадать, что заставило Сергея Смирнова оставить в ней дарственную надпись. Было ли это еще одним продуманным шагом — как ответы на вопросы газетчиков о Пастернаке, — обеляющим советскую политику в отношении художника? Конечно, нет. Перед кем ее обелять в амазонских джунглях?! Может быть, это было хулиганством: оставить доказательство своего признания («наш классик»!) там, где до него не дотянется длинная рука советских функционеров? Тогда, возможно, Евтушенко вовсе не случайно взял с полки эту книгу. А может, это было тайной исповедью? Евгений Александрович, похоже, склоняется к этой версии.

*Человек этот, злу понадобясь,
струсил, трусом не быв на войне,
и, быть может, оставив ту надпись,
был он искренен в глубине.
Почему до преступной нелепости
он дошел — ведь когда-то он спас
наших пленных бойцов Брестской крепости,
что в предателях слыли у нас?
И зачем, если в джунглях покался,
Пастернака когда-то предав,
после предал Булата, показывая*

*свою боеготовность в рядах?
В искушеньях таких есть бесовское.
Я беззлбно горюю над ним.
Мы готовностью нашей к бессовестности
свою совесть не сохраним. [1]*

...А может, в том экземпляре «Доктора Живаго» и вовсе не было никакой дарственной надписи. Тогда вся история — не что иное, как очень правдоподобная мистификация Евгения Евтушенко, а эта статья — дань его таланту рассказчика.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Евтушенко Е.А. Дора Франко. *Независимая газета*. М., 24.11.2011. [Evtushenko, E.A. Dora Franko [Dora Franco]. *Nezavisimaya gazeta*. Moscow, 24.11.2011. Available at: https://www.ng.ru/subject/2011-11-24/1_dora.html (accessed: 17.09.2021) (In Russ.).
2. РГАЛИ. Ф. 631, оп. 27, ед. хр. 512. [RGALI, 631-27-512] (In Russ.).
3. Ивинская О.В. Годы с Борисом Пастернаком: в плену времени. М.: Либрис, 1992, 464 с. [Ivinskaya, O.V. Gody s Borisom Pasternakom: v plenu vremeni [A Captive of Time: My Years with Pasternak]. Moscow, Libris, 1992, 464 p. (In Russ.).
4. Дорман О.В. Подстрочник. Жизнь Лилианны Лунгиной, рассказанная ею в фильме Олега Дормана. М.: Corpus (ACT), 2016, 304 с. [Dorman, O.V. Podstrochnik. Zhizn' Lilianny Lunginoi, rasskazannaia eiu v fil'me Olega Dormana [Word for Word: A Translator's Memoir of Literature, Politics, and Survival in Soviet Russia. — Lilianna Lungina as told to Oleg Dorman]. Moscow, Corpus (AST), 2016, 304 p. (In Russ.).
5. Записка секретаря ЦК КПСС М.А. Сулова с предложением мер в связи с присуждением Б.Л. Пастернаку Нобелевской премии по литературе. 23 октября 1958 г. *Источник*, М., 1993, № 4, сс. 103–104. [Zapiska sekretaria TsK KPSS M.A. Suslova s predlozheniem mer v sviazi s prisuzhdeniem B.L. Pasternaku Nobelevskoi premii po literature. 23 oktiabria 1958 g. [Memo from the Secretary of the CPSU Central Committee, M.A. Suslov, proposing measures in relation to the Nobel Prize for Literature awarded to B.L. Pasternak. 23 October 1958] *Istochnik*, Moscow, 1993, N 4, pp. 103–104. (In Russ.).
6. Пастернак Е.Б. Хроника прошедших лет. *Знамя*. М., 2008, № 12. [Pasternak E.B. Khronika proshedshikh let [Chronicle of years gone by]. *Znaniia*, Moscow, 2008, N 12 (In Russ.).
7. Ваншенкин К. Как исключали Пастернака. *Вопросы литературы*. М., 1990, № 2, сс. 157–165. [Vanshenkin, K. Kak iskliuchali Pasternaka [“How Pasternak was expelled”]. *Voprosy literatury*, Moscow, 1990, N 2, pp. 157–165. (In Russ.).
8. РГАЛИ. Ф. 631, оп. 26, ед. хр. 109. [RGALI, 631-26-109] (In Russ.).
9. РГАЛИ. Ф. 631, оп. 26, ед. хр. 71. [RGALI, 631-26-71] (In Russ.).
10. РГАЛИ. Ф. 631, оп. 27, ед. хр. 221. [RGALI, 631-27-221] (In Russ.).
11. РГАЛИ. Ф. 631, оп. 27, ед. хр. 324. [RGALI, 631-27-324] (In Russ.).
12. РГАЛИ. Ф. 2528, оп. 2, ед. хр. 451. [RGALI, 2528-2-451] (In Russ.).
13. РГАЛИ. Ф.2528, оп. 8, ед. хр. 258. [RGALI, 2528-8-258] (In Russ.).
14. РГАЛИ. Ф.2528, оп. 8, ед. хр. 259. [RGALI, 2528-8-259] (In Russ.).
- 15] РГАЛИ. Ф.2528, оп. 8, ед. хр. 260. [RGALI, 2528-8-260] (In Russ.).
16. Вознесенский А. На виртуальном ветру. М.: Вагриус, 1998, 517 с. [Voznesenskii, A. Na virtual'nom vetru [On the virtual wind]. Moscow, Vagrius, 1998, 517 p. (In Russ.).
17. Christie, Ian. Doctor Zhivago (BFI Film Classics). British Film Institute, 2015, 100 p.
18. РГАЛИ. Ф. 631, оп. 27, ед. хр. 197. [RGALI, 631-27-197] (In Russ.).
19. РГАЛИ. Ф. 2528, оп. 2, ед. хр. 452. [RGALI, 2528-2-452].
20. Molano Campuzano, Joaquín. La Amazonía Colombiana, perfil geográfico y económico de la comisaría especial del Amazonas. Bogotá, 1967. Separata del Boletín de la Sociedad Geográfica de Colombia (Academia de Ciencias Geográficas), vol. XXIV, Tercero y cuarto trimestres de 1966, N 90–91.

21. El poeta ruso Yevtushenko, la gran figura del XX Festival Internacional de Poesía de Medellín. *El Tiempo*. 12.07.2010. Available at: <https://www.eltiempo.com/archivo/documento/CMS-7801923> (accessed: 17.09.2021).

22. Arango, Gonzalo. El oso y el colibrí. Medellín: «Bookwire», 2019, 186 p.

23. Tsalickis, Mike. Jungle Mike — From Animal Trapper to Being Caged like an Animal: This is the True Story of the “Largest Cocaine Bust in Florida”. Kindle Edition, 2015, 142 p.

Kristina R. Buynova (k.r.bujnova@inno.mgimo.ru)

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Spanish Language, MGIMO University (Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of Russia)

Pr-t Vernadskogo, 76, 119454 Moscow, Russian Federation

“Dr Zhivago” in the Amazon rainforest

Acknowledgements: The investigation article was prepared in the research residence of the Dom Tvorchestva Peredelkino.

Abstract: The author of the article makes an attempt to verify the veracity of the story set out by Yevgeny Yevtushenko in his poem "Dora Franco". It is about a copy of Doctor Zhivago, which the poet discovered in a small library in the town of Leticia in the Amazon part of Colombia in 1968. The book bore an inscription of the soviet writer Sergei Smirnov. This fact is remarkable not only because Doctor Zhivago was still banned in the USSR, but also because in 1958 it was Smirnov who chaired the meeting of writers which expelled Pasternak from the Writers' Union. Archival searches, analysis of contemporaries' testimony, as well as interaction with a colleague from the Amazonas department made it possible to discover that Sergei Smirnov had indeed visited Leticia several months before Yevgeny Yevtushenko. Together with the translator he attended the same places, performed in the same House of Culture and interacted with the same people (e.g. the famous animal trapper Mike Tsalickis). During this trip to Colombia in 1967 Smirnov often had to answer uncomfortable questions about Pasternak. Nine years after the Pasternak affair, it is clear from newspaper articles that not a trace of aggression remains in the words of the chairman of the "trial", while ego-documents by their contemporaries suggest that Sergei Smirnov regretted the role he had assumed in 1958 for the rest of his life.

The research also established that there may have been only one library in Leticia before the 1980s — the House of Culture, which both Smirnov and Yevtushenko mention in their travel reports. Both indirectly confirm that there were no Russian books in it. We couldn't find out whether Doctor Zhivago was the only exception, i.e. was already on the bookshelf, or whether it was brought by Smirnov and the translator N. Bulgakova. However, we were able to confirm that it was a Spanish translation of the book. Since the very book itself has never been found, we cannot unequivocally assert that the inscription of the penitent Smirnov in Pasternak's book is not a figment of Yevgeny Yevtushenko's fiction; however, our research allows us to think that this story did take place.

Key words: Pasternak's case, Doctor Zhivago, S.S. Smirnov, Ye.A. Yevtushenko, Colombia.

DOI: 10.31857/S0044748X0022868-3

Received 17.04.2022.